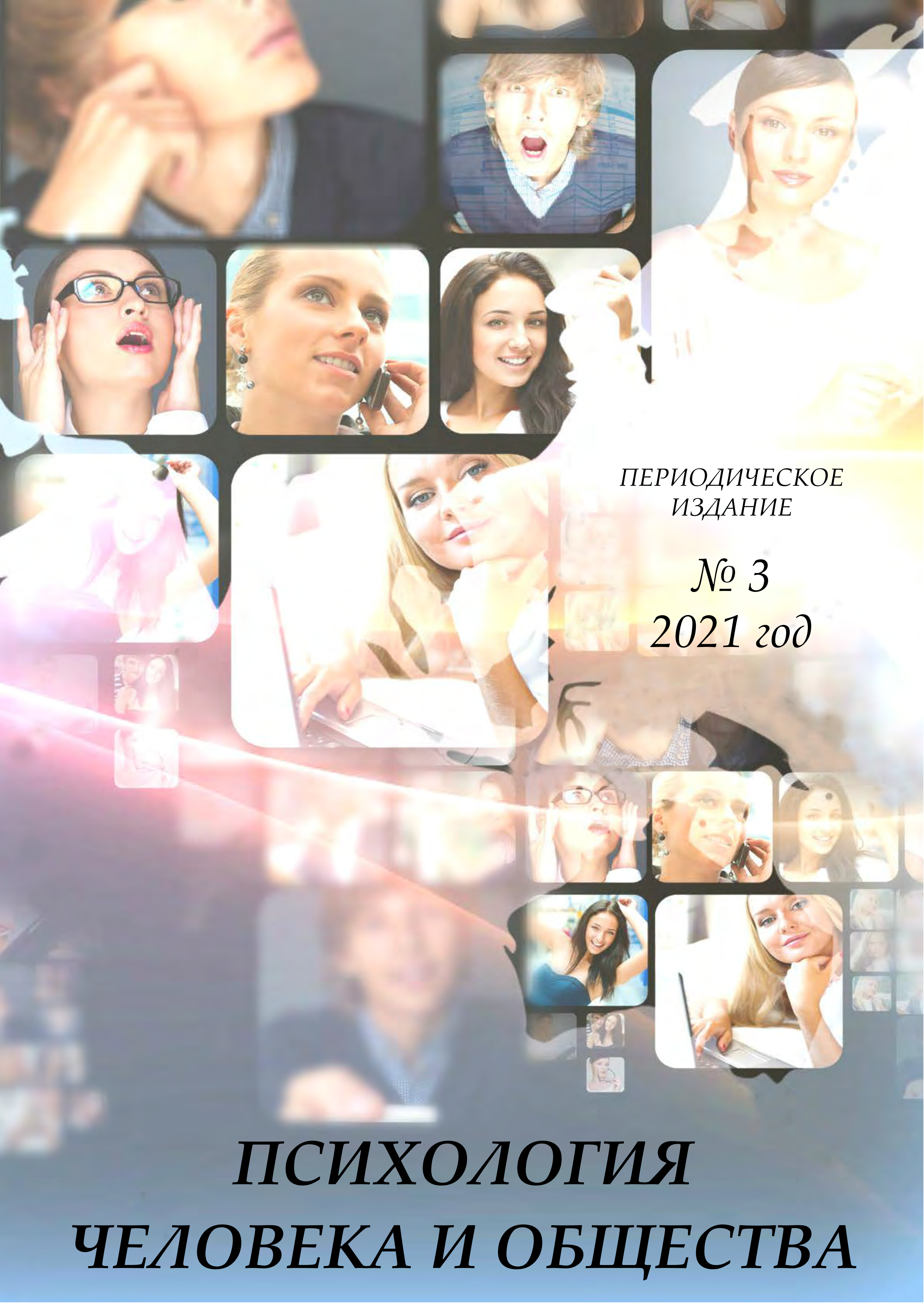

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

№ 3
2021 год

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

МАКЕЕВКА

2021 год

ГОУ ВПО «**Донбасская аграрная академия»** приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «**Психология человека и общества**».

Основное заглавие: **Психология человека и общества**
Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**
Параллельное заглавие: **Psychology of human and society**
Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**
Языки издания: **русский, украинский, английский**
Периодичность выхода: **1 раз в месяц**
Учредитель периодического издания: **ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»**
ISSN: **2587-8875**

Редакционная коллегия издания:

Выходные данные выпуска:

Психология человека и общества. – 2021. – № 3 (32).

ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЖУРНАЛА «ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА»

Раздел «Психология и педагогика»

Раздел «Социология и образование»

Раздел «Культурология»

УДК 159.924

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ГЕНИАЛЬНОСТЬ В НАУКЕ И ИСКУССТВЕ

Белюрко Надежда Михайловна,
Донбасская юридическая
академия, г. Донецк

E-mail: nadegda_3377@mail.ua

Аннотация. *В данной статье рассматривается как разного рода факторы влияют на продуктивность деятельности гениев, как в науке, так и в искусстве. В качестве факторов рассмотрены: состояние гения в момент творчества или работы над изобретением, т.е. вдохновение, стресс, напряжение или его отсутствие; возраст; распорядок дня.*

Abstract. *This article examines how various kinds of factors affect the productivity of geniuses, both in science and in art. The following factors are considered: the state of genius at the moment of creativity or work on an invention, i.e. inspiration, stress, tension or lack of it; age; schedule.*

Ключевые слова: *гениальность, факторы, творчество, вдохновение, стресс, возраст, распорядок дня.*

Key words: *genius, factors, creativity, inspiration, stress, age, daily routine.*

Большинство гениев оставили потомкам богатое наследие в науке или искусстве, например, Айвазовский оставил после себя более 5 тыс. картин, Крамской – 3 тыс. портретов, Рембрандт – 650 полотен, Пикассо – 20 тысяч, Эйнштейн – 248 публикаций, Фрейд – 330, а веймарское издание Гете составляет 143 тома.

Гениальность, однако, не всегда определяется объемом написанного, изобретенного, изданного и т.д. Гениальное произведение или изобретение нельзя перепутать с чем-либо иным, так же как и гения нельзя спутать с кем-либо иным, как заметил Бальзак: «Гений похож на всех, но на него не похож никто».

Некоторые философы и вовсе полагали, что гениальной можно считать только творческую личность, а к научной деятельности гениальность не имеет отношения. При этом сами же являлись опровержением подобных заявлений – речь идет о Ф. Бэконе, И. Канте, отчасти – Гегеле, чья гениальность не оспаривается и в то же время никакого отношения к художественному творчеству не имеет.

И. Кант полагал, что при определенных условиях и усилиях в науке может преуспеть любой. Отличительной особенностью искусства по сравнению с наукой, философ считал одаренность художественного гения. Представитель немецкой классической философии, Гегель, писал: «наука предполагает, наличие общей способности к мышлению, которое, в отличии от фантазии, не

проявляется как нечто природное, а как раз абстрагируется от всякой природной деятельности, так что будет правильным сказать, что не существует специфики научного таланта в смысле определенного дарования».

Представители рационального подхода полагают, что вокруг гениев возведено слишком много легенд. Дуглас в работе «Гением может стать каждый» высказывает предположение, что гениальности можно достигнуть простым путем, доступным каждому, для этого нужно лишь «уметь трудиться и бить в одну точку». Немецкий мыслитель Лихтенберг полагал, что «каждый человек может быть гениальным по крайней мере, раз в год» [1, с. 378].

Особой разновидностью гениальности является способность одержать победу в сражении, ведь выдающиеся военачальники не просто оставили свой след в истории, но и оказали влияние на ее ход. Военный гений требует от его обладателя умения брать на себя ответственность за жизнь и здоровье других людей, способность принимать нестандартные решения, действовать и сохранять самообладание в экстремальной ситуации.

Суровая школа Великой Отечественной войны оставила в истории ряд имен выдающихся советских полководцев, признанных гениальными военачальниками во всем мире. О маршале Г. Жукове американский военный историк М. Кайден пишет, что он был «полководцем полководцев в ведении войны массовыми армиями двадцатого столетия. Он нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник. Он был «чудо-маршалом». Перед нами военный гений».

Другой маршал Советского Союза, И. Конев, обладал превосходной интуицией, талантом успешно планировать наступательные операции, был способен виртуозно сочетать мощь артиллерии и авиации с быстротой, натиском и внезапностью удара. Мировые военные историки назвали И. Конева «гением внезапности».

Одним из наиболее важных факторов успешности гениального творения является креативность его автора, которую можно охарактеризовать как способность создавать нечто новое и ценное, генерирование идей.

Психологи Торранс и Холл отметили одну из особенностей успешной деятельности творческих личностей. Столкнувшись с новым методом решения проблемного вопроса, они видят в нем перспективу, предлагают свою интерпретацию идеи, в то время как менее творческие личности будут скорее критиковать, искать в новом методе недостатки, а не дополнительные возможности. Креативные личности открыты всему новому и готовы к новым решениям, что способствует успеху. Торранс также отметил, что большинство творческих людей склонны к размышлению о будущем [1, с.49].

Ученые в разные эпохи пытались определить, как возраст влияет на продуктивность деятельности гения. Современные технологии позволяют провести успешные исследования. На этот счет директор Института мозга человека РАН член-корреспондент РАН С. Медведев высказался следующим образом: «гениальные математики и физики великие открытия совершили в возрасте до 35 лет. А дальше – никаких озарений, хотя сильные работы, конечно, были, но не прорывы. Почему?». Ученый говорит о гипотезе, согласно которой в

мозгу человека «работает сформировавшийся с годами «детектор ошибок», который запрещает выходить за рамки уже известных понятий. Иначе человек каждый день заново учился бы на своих ошибках. А детектор, запоминая опыт, позволяет автоматически совершать множество действий. Как только мы начинаем выходить за рамки своего опыта, придумывать что-то новое – мозг дает команду «не может быть».

Тициан в возрасте 99 лет говорил, что только начинает постигать ремесло, Николай Коперник завершил теорию движения планет в 60 лет, Верди написал комическую оперу «Фальстаф» в 80 лет. Даже те, кто рано добивался успеха на избранном поприще, добиваются наибольших успехов в более зрелом возрасте [2, с. 246].

Однако из всех правил бывают исключения, например, Ибн Сина – вторую половину жизни посвятил тому, чтобы доказать бессмысленность первой. История знает ряд примеров, когда преклонный возраст становится препятствием к завершению гениальных работ, например, неоконченной осталась «Человеческая комедия» Бальзака, «Капитал» Маркса.

Для достижения успеха в какой бы то ни было деятельности важно состояние человека, при этом гениальность не всегда, как бы это парадоксально не звучало, проявляется в состоянии удовлетворенности жизнью или релаксации [3, с. 29]. Предельное нервное напряжение гения часто было источником пережитых им стрессовых ситуаций и находило свое отражение в творчестве. Один из последователей Фрейда, А. Кестлер полагает, что творческие свершения возможны при переходе от будничной повседневности к трагическим и кризисным состояниям – любовь, смерть, потеря близких.

Неоспоримым является тот факт, что человеку легче всего создать что-то новое в состоянии вдохновения. А.С. Пушкин писал о вдохновении, как об умении «приводить себя в рабочее состояние», великий русский композитор П.И. Чайковский считал, что вдохновение не любит «посещать ленивых».

Для успешной деятельности важен и особый настрой, а также распорядок дня. Например, Александр Васильевич Суворов предпочитал ложиться спать в 6 вечера, а вставать в 2 часа ночи. Спал гениальный полководец в аскетических условиях – на охапке сена, а, проснувшись, обливал себя холодной водой.

Бетховен любил работать на рассвете, часто собственноручно готовил кофе, отмеряя 60 кофейных зерен на чашку. После этого ритуала композитор садился за рабочий стол и писал до двух или трех часов, делая перерывы на прогулки. После обеда, Бетховен совершал длинную прогулку, не забывая, однако, о деле. Композитор брал с собой нотную бумагу и карандаш, чтобы запечатлеть пришедшие в голову во время прогулки музыкальные зарисовки.

Любил прогулки и датский философ С. Кьеркегор, который в течение дня чередовал занятия наукой и прогулки. Именно во время прогулок Кьеркегора часто осеняли нестандартные идеи, и тогда философ спешил домой, едва переступив порог, бежал к конторке и набрасывал заметки, стоя, не снимая верхней одежды, боясь упустить ценную идею.

Писатель с мировым именем Э. Хемингуэй в сознательном возрасте всегда вставал рано, в 5.30 или в 6.00, даже если накануне ложился спать слишком

поздно. При этом писатель обладал редким даром даже после непродолжительного сна выглядеть бодрым и отдохнувшим. Его сын говорил, что отец всегда выглядел так, «словно спал сном младенца в звуконепроницаемой комнате с черной повязкой на глазах». О своих наиболее плодотворных рабочих часах писатель пишет: «Начинаешь, скажем, в шесть утра и работаешь до полудня, если не управишься раньше. Когда заканчиваешь, чувствуешь себя опустошенным, но не пустым, а вновь заполняющимся». Можно сказать, что у Э. Хемингуэя была своя методика, как повысить эффективность своей работы. Он ежедневно составлял график «выдачи» – сколько слов написать для того, чтобы «не обманывать самого себя». В те дни, когда работа все же «не шла», писатель оставлял на время работу над произведениями и отвечал на письма, что давало ему передышку от «ужасной ответственности писать».

Пикассо ложился спать и вставал поздно, около 14.00 он уединялся и работал до заката, а часто и позже. Ему никогда не надоедало рисовать, художник уверял, что, простояв даже три-четыре часа перед мольбертом, он не чувствует усталости. «Вот почему художники живут долго, – рассуждал Пикассо. – Работая, я оставляю свое тело за дверью, как мусульмане оставляют обувь у порога мечети».

У Р. Штрауса вдохновение не было проблемой, если судить по его известному ироничному высказыванию, что он производит музыку, «словно корова – молоко».

Игорь Стравинский рассказывал в 20 годах XX века о своем распорядке дня: «Я встаю в восемь утра, делаю зарядку и работаю без перерыва с девяти до часа», композитор также говорил о том, что ему не удавалось посвящать сочинению музыки больше трех часов в день.

Стравинский писал музыку в уединении, ежедневно, вне зависимости от вдохновения, как говорил он сам. Для полноценной работы, как признавался композитор, ему нужно было быть уверенным, «что никто не слышит меня». Если идей для работы не было, композитор прибегал к экзотическому способу – стойке на голове, что по словам Стравинского, помогало «дать отдых голове и прочистить мозги» [4, с. 129].

Соблюдение распорядка дня гениальной личности во всех случаях, даже когда процесс творчества приносит удовлетворение, требует сознательных усилий и самодисциплины. Упорядоченный режим строился по принципу максимальной концентрации на объекте творчества, будь то наука или искусство, и минимуме отвлекающих от работы моментов, поэтому, великие люди, в большинстве своем, предпочитали творить в уединении.

Выводы. Несмотря на огромное количество исследований в области гениальности, необходимо признать, что в каждом конкретном случае у гениальной личности имеется свой индивидуальный комплекс повышающих работоспособность стимулов. Легче всего процесс созидания протекает в состоянии вдохновения, однако даже самые одаренные и гениальные личности признавали, что если ждать этого состояния, то может и не получится создать ничего нового. Это говорит о том, что успешные в науке и искусстве люди

помимо таланта, одаренности и в некоторых случаях гениальности обладали высокой работоспособностью, самодисциплиной и самоконтролем, что позволяло им успешно завершать начатую работу до конца и достигать поставленных целей.

Список использованной литературы:

1. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке / Н.В. Гончаренко. – М., 1991. – 432 с.
2. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 448 с.
3. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. От гениальности до безумия один шаг? / Чезаре Ломброзо; [пер. с ит. К. Тетюшиновой]. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 400 с.
4. Петрушин В.И. Психология и педагогика художественного творчества / В.И. Петрушин. – М.: Академический проспект, 2008. – 490 с.

УДК 796.012.2

АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДИАГНОСТИКЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фалькова Наталья Ивановна,
Ушаков Андрей Владимирович,
Лавренчук Светлана Сергеевна,
Донбасская юридическая
академия, г. Донецк

E-mail: falkova_n@mail.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены основные аспекты психолого-педагогических исследований в диагностике психофизической готовности обучающихся к профессиональной деятельности. Представлена методика организации и управления психофизическим развитием обучающихся в рамках дисциплины «Прикладная физическая культура».*

Abstract. *The article deals with the main aspects of psychological and pedagogical research in the diagnosis of psychophysical readiness of students for professional activity. The method of organization and management of psychophysical development of students in the framework of the discipline «Applied physical culture» is presented.*

Ключевые слова: *психофизическая готовность, структурно – функциональная диагностика, психолого – педагогические исследования, прикладная физическая культура.*

Key words: *psychophysical readiness, structural and functional diagnostics, psychological and pedagogical research, applied physical culture.*

Психолого-педагогические детерминанты в исследованиях психофизической готовности обучающихся к профессиональной деятельности существенно повышают качество диагностики. Современные научные исследования в области прикладной физической подготовки должны основываться на широком использовании инновационных достижений в области психологии, педагогики, физиологии, биологии, информатики и других научных достижений. Несмотря на то, что для каждого типа профессий ведущие рабочие движения и психофизические функции различны, модельные характеристики исследований психофизической готовности обучающихся к профессиональной деятельности однородны.

Актуальность. Психофизическая подготовка высококлассных специалистов всегда являлась актуальной задачей во всех учебных заведениях разного уровня. Постоянный поиск оптимальных средств и методов прикладной физической культуры для совершенствования подготовки будущих специалистов

к трудовой деятельности, является неотъемлемой частью функционирования образовательного пространства.

Цель исследования. Рассмотреть основные аспекты психолого – педагогических исследований в диагностике психофизической готовности обучающихся к профессиональной деятельности.

Результаты исследования. Методика организации и управления психофизическим развитием обучающихся в рамках дисциплины «Прикладная физическая культура» включает в себя пять блоков, которые между собой взаимосвязаны [1, с. 57]:

– сбор первичной информации (исходное определение уровня физической подготовленности, физического развития, функционального состояния организма);

– разработка плана учебного процесса (формирование задач на данный этап подготовки, разработка структуры учебного процесса и учебной программы на текущий момент);

– разработка содержания учебной программы (выбор средств, методов и форм учебного процесса, планирование объема и функциональной напряженности нагрузки, практическая разработка планов-конспектов);

– комплексный контроль (выявление текущего уровня физической подготовленности, выявление текущего уровня технической подготовленности, выявление текущего уровня физического развития и функционального состояния);

– коррекция содержания учебной программы (анализ результатов комплексного контроля, сравнение текущих достижений с запланированными результатами, и на основании этого внесение необходимых корректив в учебный процесс).

Сам процесс психофизической подготовки должен включать в себя четырехэтапную систему управления, где в качестве управляющих элементов являются разные виды психофизической подготовки, которые базируются на диагностике уровней изучаемых состояний обучающихся.

На основе анализа типов профессий, а именно «Человек – Техника», «Человек – Природа», «Человек – Человек», «Человек – Знак», «Человек – Художественный образ», отделов и групп профессий по условиям труда, может быть определена структура рабочих действий, что помогает определить двигательные навыки и сенсомоторные характеристики, на которых базируются рабочие действия. При этом уровень развития профессиональных двигательных навыков и психофизических функций может быть использован для оценки эффективности разработанных учебных программ.

По классификации типов профессий деятельность юриста относится к гуманитарным видам профессий типа «Человек – Человек» («Человек – Группа» и «Человек – Общество»), поскольку она связана с непрерывным взаимодействием с людьми. Юристам необходимо отличаться устойчивым физическим здоровьем, выносливостью к длительным физическим и психическим перегрузкам, высокой работоспособностью, иметь достаточно высокий уровень эмоциональной стабильности, способность к быстрому

переключению и распределению внимания, высокой скорости двигательных реакций и быстроты движений, высокий уровень статической, динамической и взрывной силы. Это необходимо рассматривать в качестве одного из важнейших факторов их профессиональной пригодности.

Модельные характеристики структурно-функциональной диагностики в психолого-педагогических исследованиях, которые определяют уровень психофизической готовности обучающихся к профессиональной деятельности включают следующие позиции (рис. 1).

Рис. 1 Модельные характеристики

Пригодность структурной диагностики функциональных моделей психофизической готовности обучающихся к профессиональной деятельности должна определяться при помощи факторного анализа. С помощью этого многомерного метода, применяемого для изучения взаимосвязей между многими переменными, определяют их статистическую значимость и отбирают наиболее информативные характеристики психофизической готовности обучающихся [2, с. 32].

Вывод. Степень соответствия модельных характеристик структурно-функциональной диагностики в каждой группе профессий устанавливается с помощью коэффициента корреляции между показателями успешности в профессиональной и учебной деятельности и психофизической готовности. С помощью коэффициента корреляции можно классифицировать закономерности в большом объеме полученной информации, что важно при психолого-педагогических исследованиях широкого контингента обучающихся.

Список использованной литературы:

1. Егорычев А.О. Психолого-педагогические основы профессионально-прикладной физической подготовки студентов: монография / А.О. Егорычев – М.: Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2003. – 169 с.

2. Ушаков А.В. Методы структурно-функциональной диагностики психофизического состояния студентов в процессе прикладной физической подготовки: учебное пособие / А.В. Ушаков, Н.И. Фалькова. – ДЮА, 2018. – 119 с.

УДК 378

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРОЕКТНОЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ХИМИИ

Филиппенко Надежда Анатольевна,
МОАУ СОШ № 8 им. А.Я. Тимова,
п. Прикубанский, Краснодарский край

E-mail: school8@nk.kubannet.ru

Соколова Светлана Вячеславовна,
МОАУ СОШ № 8 им. А.Я. Тимова,
п. Прикубанский, Краснодарский край

E-mail: school8@nk.kubannet.ru

Аннотация. *В данной статье, рассматривается вопрос осуществления научно-исследовательской деятельности в рамках уроков химии на МОАУСОШ №8 им. Тимова А.Я. поселка Прикубанского Новокубанского района Краснодарского края РФ. Современное школьное образование, осуществляющееся в соответствии с ФГОС, подразумевает, что школьный курс химии включает объем химических знаний, необходимый для формирования в сознании школьников химической картины мира, чему в определенной мере способствует проектно-исследовательская деятельность, которая наиболее ярко выражена в старших классах.*

Abstract. *This article discusses the implementation of research activities in the framework of the chemistry on MAAYOS №8 im. Timova A. J. Kuban settlement of Novokubansky district, Krasnodar Krai, Russia. Modern school education, carried out in accordance with the Federal State Educational Standard, implies that the school chemistry course includes the amount of chemical knowledge necessary for the formation of a chemical picture of the world in the minds of schoolchildren, which is to a certain extent facilitated by design and research activities, which are most pronounced in high school.*

Ключевые слова: *познавательная деятельность, проект, научно-исследовательская деятельность, эксперимент.*

Key words: *cognitive activity, project, research activity, experiment.*

В рамках обозначенной темы исследования цель заключается в описании организации исследовательской деятельности на уроках химии. При этом основной упор мы делаем на практику, которая уже использовалась нами в учебном процессе как в урочное, так и в неаудиторное время на факультативных занятиях. Кроме того, в рамках данной работой мы хотим поделиться оптом с другими педагогами-химиками. На наш взгляд, изложенный материал может помочь начинающим учителям в освоении методики преподавания химии.

В современных реалиях важно понимать, что для развития государства в целом и отдельно взятых отраслей в частности, обществу просто необходимы способные и талантливые люди. В связи с этим формируется главная задача общества – учитывать и развивать способности подрастающего поколения на всех стадиях его социализации.

Новый образовательный стандарт по химии ориентирует учителя прежде всего на организацию учебного процесса, в котором ведущая роль отводится самостоятельной познавательной деятельности обучающихся.

Однако эта тенденция не нова: анализируя исследования по нашей теме, следует остановиться на исследованиях учителя химии общеобразовательной школы 1040 г. Москвы Гольдинштейн Л.В. Еще в 2010 г., автор предлагает на уроках химии эксперементальным путем показывать пагубное влияние тогоже алгоголя на организм подростка. Именно наглядность может мотивировать молодого человека сказать твердое «нет» в ответ на предложенную сигарету или рюмку алкоголя [1]. Подобный подход к борьбе с вредными привычками побудил нас к проведению целого цикла внеклассных лабораторных исследований с обучающимися 8-11 классов. Об одном из таких мероприятий более подробно мы поговорим далее в рамках нашей статьи.

Не отрицает значимость самостоятельной работы как основы исследовательской деятельности учитель химии средней общеобразовательной школы № 276 г. Гаджиево Девяшина Н.И. [2]. Дополняя данную точку зрения, отметим, что самостоятельные исследования, в большей мере допустимы для обучающихся, имеющих способности в области химии, но не для широкой аудитории, проявляющей интерес в сфере данной науки.

Педагог средней школы №93 г. Волгограда Сыроерова И.А. в свою очередь отмечает, что основа будущей проектно-исследовательской деятельности заложена в лабораторных занятиях [4]. Бесспорно, подобное утверждение верно, но со своей стороны отметим, что количество лабораторных работ ограничено учебной программой, соответственно в этом отношении широкий простор для действия открывает внеучебная деятельность.

Особую роль внеурочной деятельности, в ходе которой обучающиеся проходят четыре этапа приобщения к проектно-исследовательской деятельности на уроках химии, затрагивает педагог лицея №24 г. Дмитровграда Ульяновской области Шаяхметова В.В. [5]. Позиция данного автора привлекательна тем, что в основу работы с обучающимися ставятся ситуации, которые могут быть применимы в повседневной, бытовой жизни.

Одним из направлений повышения эффективности современного учебного процесса является организация проектной и исследовательской деятельности обучающихся, которая направлена на развитие их независимого, логического мышления и создание в итоге внутреннего устойчивого мотива к обучению в целом [2].

Химический эксперимент является одиним из важных сильных стимулов, который позволяет значительно активизировать познавательный интерес обучающихся к изучению основ естествознания. В первую очередь, химия – экспериментальная наука, поэтому эксперимент в различных его формах должен быть центральным звеном в преподавании (видеодемонстрация, домашний

эксперимент, лабораторная работа, экспериментальное задание, практическая исследовательская работа, исследовательская работа и т.д.) [5].

В настоящее время сформированы и существуют разные подходы к определению видов исследовательской деятельности, к которым относятся поисковая, экспериментальная, междисциплинарная, проектная, техническая, творческая и другие, выполняемые на занятиях и за ее пределами.

Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования предусматривают организацию исследовательской деятельности учащихся в школах, в ходе которой они могут проводить эксперимент исследовательского характера.

Однако общеобразовательная программа по химии строго регламентирована. Сокращение количества часов, посвященных исследованиям, привело к сокращению времени, отводимому на школьные химические эксперименты.

Правда, возможна организация научно-исследовательского химического эксперимента во время внеклассной научно-образовательной деятельности в рамках факультативных предметов по химии. Но учитывая загруженность обучающихся другими школьными предметами, спортивными секциями, зачастую возникает закономерный вопрос: «Как привлечь обучающихся к исследованиям в области химии в таких условиях»?

Отвечая на поставленный вопрос, отметим, что химия начинает изучаться с 8 класса, и на первых этапах ее изучения материал по предмету должен преподноситься так, чтобы обучающиеся проявили интерес к данному предмету. Для этого целесообразно использовать различные ситуационные задания проблемного характера, которые вызывают желание у обучающегося разобраться с ней самостоятельно или при помощи педагога.

Приведем пример такого задания: известно, что водород в чистом виде не имеет цвета и запаха, он не ядовит. Но вдыхание этого газа в большом количестве человеком приводит к отравлению. Чем это можно объяснить? [3].

Но, как показывает практика, обучающимся средней и старшей возрастной группы особенно интересны исследования, касающиеся химии и качества современных продуктов.

В частности, не секрет, что современная молодежь является «поклонниками» энергетических напитков, считая, что они не наносят явного и значительного вреда здоровью. В ходе внеурочных занятий нами была проведена лабораторная работа, цель которой заключалась в выявлении химического состава напитка и его возможное влияние на организм подростка.

В рамках лабораторной работы при содействии обучающихся мы провели несколько действий с одной из марок «популярного» энергетического напитка.

В качестве первого шага мы провели опыт на выявление углекислого газа в жидкости следующей реакцией с известковой водой: $Ca(OH)_2 + CO_2 = CaCO_3\downarrow + H_2O$. Ее помутнение доказывает наличие большого количества углекислого газа, который в организме способствует быстрому впитыванию составляющих частей «энергетика».

Далее йодометрическим методом осуществляем реакцию: $C_6H_40_2(OH)_4 + I_2 = C_6H_4O_4(OH)_2 + 2HI$.

$(C_6H_{10}O_5)_n + nI_2$ мы выявляем наличие в напитке большого уровня витамина С. Другими словами, в отличие от безобидной аскорбиновой кислоты частое употребление энергетических напитков приведет к избытку в организме указанного витамина, а это, в свою очередь, чревато проблемами со здоровьем: переизбыток витамина С негативно сказывается на функциях поджелудочной железы, способствует тромбообразованию и формированию камней в почках.

Другим примером пагубного влияния «энергетика» на здоровье человека стал эксперемент с куриным яйцом, которое в самом начале лабораторной работы было погружено в напиток. По прошествию 30-35 минут участники эксперимента смогли наблюдать изменение окраса скорлупы и разрушение ее верхнего слоя.

Таким образом, проводя паралели и аналогии, мы с обучающимися выявили тот факт, что энергетические напитки пагубно влияют на состояние зубной эмали.

Таким образом, в ходе небольшого исследования мы с обучающимися выявили основные вещества, входящие в состав энергетика, а также раскрыли их влияние на здоровье человека.

Подобная работа, в рамках которой учитель и ученики выступили в роли исследователей, вызвала интерес у обучающихся и к другим химическим составляющим, модных у молодежи, и не только в рамках вопроса вредных привычек. Аналогичные совместные исследования мы готовы проводить в рамках внеурочной деятельности в течение учебного года.

На раннем этапе изучения химии, как показывает практика, логично использовать уроки-исследования, которые всегда наглядны. Они позволяют ученикам накапливать факты, выдвигать гипотезы, ставить различные эксперименты, развивать теории. Подобные занятия были проведены по темам «Растворы», 8 класс; «Аминокислоты», 10 класс; «Соединения алюминия. Амфотерность оксида и гидроксида», 9 класс; «Гидролиз неорганических и органических соединений», 11 класс и др. [4].

В рамках данной научной работы более подробно остановимся на уроке-исследовании по теме «Растворы» в 8 классе. Помимо терминологического аппарата, особое внимание уделяется наглядному эксперименту, в ходе которого обучающийся должен сделать вывод.

Например, то, что процесс растворения не только физический, но еще и химический процесс, подверждаем растворением концентрированной серной кислоты в воде при одновременном измерении температуры жидкости, которая в итоге изменится в большую сторону. При этом необходимо разъяснить обучающимся о недопустимости добавления воды в концентрированную кислоту в целях техники безопасности.

Проводя эксперимент по растворимости, мы добавляем в разные емкости немного сахара, подсолнечное масло и песок. Таким образом, наблюдая за процессом растворения, класс должен сделать вывод, что вещества делятся на хорошо растворимые, молорастворимые и нерастворимые группы.

В рамках исследовательской работы, затрагивающей вопросы насыщенности растворов, можно предложить обучающимся самим создать раствор на основе воды и соли, который можно будет классифицировать как

ненасыщенный, насыщенный и перенасыщенный. При этом учитель заранее дает определение каждого раствора, что служит для учащегося ориентиром, сколько растворимого вещества необходимо добавить в емкость с водой.

Задания такого характера вызывают у обучающихся усиленный интерес к тем или иным темам, что приводит к глубокому и прочному усвоению знаний. Итогом работы на подобном уроке становятся выводы, самостоятельно полученные школьниками, как ответ на вопрос, раскрывающий суть проблемы. У обучающихся в ходе таких уроков формируются важнейшие компетенции: познавательные, личностные, самообразовательные. В последующем они сформируют фундамент предстоящей проектной и научно-исследовательской деятельности. Неотъемлемой частью химии является выполнение лабораторного практикума, на который ложится основная нагрузка по освоению навыков исследовательской работы на уроках химии. Он является сочетанием экспериментальной задачи, расчётной части и теоретической работы в виде формирования научной гипотезы и выводов и отражает основные этапы научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, приобретённые навыки экспериментальной работы, а также освоение принципов исследовательской деятельности находят дальнейшее развитие в разработке проектов в области не только химии, но и смежных дисциплин – экологии и биологии.

Список использованной литературы:

1. Гольдинштейн Л.В. Исследовательские проекты по химии во внеурочное время. Как использовать проектную деятельность во внеурочное время на уроках химии? // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2010. – № 6. – С. 50-52.

2. Девяшина Н.И. Проектно-исследовательская деятельность обучающихся в процессе изучения химии (из опыта работы) // Народное образование и педагогика. – 2013. – № 4. – С. 93-98.

3. Пичугина Г.В. Ситуационные задания по химии 8-11 классы. – М.: Вако, 2014. – 137 с.

4. Сыроерова И.А. Проектная деятельность учащихся при формировании естественнонаучных компетенций школьников в соответствии с ФГОС // Грани познания. – 2016. – № 2. – С. 91-94.

5. Шаяхметова В.В. Организация проектно-исследовательской деятельности на уроках химии // Педагогические проблемы в образовании: теория и практика внедрения worldskills в учебный процесс. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под ред. С.В. Игдыровой, Р.Р. Мукминова. – Дмитровград. – 2019. – С. 134-137.

УДК 378.147 / 32.019.5

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНФОРМИРОВАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бурняшов Борис Анатольевич,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия;
Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: ostowen@mail.ru

Аннотация. *Автор считает, что организация политического информирования студентов во всех учреждениях высшего образования России, ДНР, ЛНР является на сегодняшний день насущной необходимостью. В ходе анализа практики политического информирования в вузах России, в частности личного опыта автора, в статье сформулированы предмет, цели и задачи политического информирования, выявлены и описаны его формы, определено его содержание как планомерная целенаправленная работа преподавателя и студентов с актуальной информацией, имеющей социальную направленность.*

Abstract. *The author believes that the organization of political information for students in all higher education institutions of the Russian Federation, the DPR, and the LPR is today an urgent need. In the course of analyzing the practice of political information in higher education institutions in Russia, in particular the author's personal experience, the article formulates the subject, goals and objectives of political information, identifies and describes its forms, defines its content as a systematic, purposeful work of teachers and students with relevant information with a social orientation.*

Ключевые слова: *политическая информация, политически значимая информация, политическое информирование, информация политического характера.*

Key words: *political information, politically significant information, political informing, information of political character.*

Целью представленной работы является исследование политического информирования в учреждениях высшего образования: определение его предмета, содержания, целей и задач, выявление и описание его форм.

По мнению ряда авторов, политическая информация [1] или «собственно политическая» [2] информация относится к сообщениям о явлениях, фактах и событиях, происходящих в политической сфере общества. К смежным понятиям одни авторы относят «политически значимую информацию», другие – «информацию, которая носит политический характер», причём, эти понятия в интерпретации авторов далеко не синонимичны.

Политически значимая информация – вся совокупность сообщений, которые могут повлиять на ослабление, укрепление, завоевание, удержание или использование власти конкретными политическими акторами [1, с. 40].

Информация, которая носит политический характер, – информация, характерной особенностью которой как социального явления является определенная социальная направленность [2], поэтому к такой информации можно отнести сообщения из всех сфер человеческой деятельности: здравоохранения (пример: сообщение о начавшейся вакцинации населения Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), науки (сообщение о регистрации в России третьей по счёту отечественной вакцины против COVID-19), промышленности, образования, культуры и так далее.

На наш взгляд, политическая информация в значении «информация политического характера», а точнее – актуальная информация, имеющая социальную направленность, относящаяся в той или иной мере к принципам государственной политики в сфере образования, и является предметом политического информирования в учреждениях высшего образования. Принципы эти перечислены в статье 3.1.3 Закона об образовании: гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободное развитие личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде [3]. Наше определение, таким образом, несколько шире, чем определения коллег, считающих предметом политического информирования информацию о конкретных событиях в политической жизни страны или в мире [4; 5].

Определяя место политического информирования в структуре образовательного процесса, одни педагоги-исследователи рассматривают политическое информирование как форму обучения [4], другие – как образовательную технологию [5].

На наш взгляд, политическое информирование – беседа или дискуссия, разворачиваемая на основе подготовленного студентами сообщения о произошедшем событии и предъявленного ими анализа политической составляющей этого события.

Цель политического информирования – наработка студентами навыка политического анализа информации, имеющей социальную направленность.

Задачи политического информирования:

– связывать изучение теоретических положений отдельных учебных дисциплин с практикой политической и других сфер общественной жизни в России и мире (так, А.Н. Перенджиев ставит эту задачу в преподавании дисциплин «Политология» и «Социология» [4], С.А. Тимченко – в преподавании «Истории» [6], мы – в преподавании «Зарубежного опыта социальной работы», «Отечественных практик социальной работы», «Технологий самоорганизации и самообразования»);

– выявлять политическую подоплёку событий социальной направленности: на какую политическую цель работает событие, кто финансирует (заказчик), кто осуществляет информационную поддержку (аффилированные с заказчиком институты), каковы возможные последствия события, последствия, как политические, так и конкретно бытовые.

Формы политического информирования:

– каждый из студентов в ходе изучения учебной дисциплины, используя по своему усмотрению Интернет-ресурсы, готовит собственный вариант «Вестей недели» [6];

– преподаватель организует на учебном занятии обсуждение наиболее животрепещущих, на его взгляд, актуальных событий социальной направленности.

Нами используется следующая форма: каждый из студентов в ходе изучения учебной дисциплины находит новостную информацию на рекомендованном преподавателем специализированном Интернет-ресурсе – телеграм-канале «Непереписанная история» [7], фиксирует её в учебном портфолио. Отобранная новость и её политический анализ предъявляется (как правило, по желанию самого студента) на занятии. Дополнительную информацию студенты могут почерпнуть и на других ресурсах, однако, как правило, на это они не тратят время. По предъявленному студентом материалу иногда разворачивается дискуссия, иногда преподаватель, исходя из более глубокого знания фактов, дополняет проведённый студентами анализ.

Вопрос о том, для каких направлений подготовки специалистов актуальна организация политического информирования, уже освещался в исследованиях: авторы указывают на необходимость политического информирования для всех направлений подготовки в российских военных вузах, вузах, готовящих специалистов гражданской обороны, государственных и муниципальных служащих [8], для всех направлений подготовки в экономических [5], медицинских вузах [6].

Считаем, что в современных условиях политизации всех сфер общественной жизни в связи с наращиванием усилий США и его идеологических партнёров по откату уже сложившейся многополярности мира к миру однополярному диктует отказ России от деполитизации и деидеологизации вузовского образования. В сложившихся условиях жёсткого политического противостояния западному миру обойтись без политического информирования при профессиональной подготовке кадров для любой отрасли хозяйства невозможно.

Выводы:

– содержанием политического информирования в учреждениях высшего образования является планомерная целенаправленная работа преподавателя и студентов с актуальной информацией, имеющей социальную направленность;

– организация политического информирования во всех учреждениях высшего образования Российской Федерации является насущной необходимостью.

Список использованной литературы:

1. Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» / М.Н. Грачев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2003. – № 4. – С. 34-42.

2. Гончаров В.Н., Вергун Т.В. Политическая информация в структуре общественного сознания // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (Ч. 20) – С. 4576-4580.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021).

4. Перенджиев А.Н. Методологическая роль политического информирования при проведении занятий в вузах // Электронный научный журнал «ГосРег». – 2015. – № 4.

5. Кошкин А.П., Жидких В.А., Новиков А.В. Политическое образование в экономическом вузе: проблемы и перспективы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2018. – № 4 (100). – С. 28-38.

6. Тимченко С.А. Политинформация как средство формирования общественно-политической компетентности студентов // Сб. трудов Всерос. научно-учебн. конф. – Курск: Изд. КГМУ. – 2017. – С. 586-588.

7. Непереписанная история. Телеграм-канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/neperepisannaja_istoriya

8. Мельков С.А., Ткаченко Т.Е. Зачем будущему чиновнику политическое информирование? // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 3.

УДК 37.017.7

СТРЕСС БОЛЬШИХ ГОРОДОВ

Грязнов Сергей Александрович,
Самарский юридический институт
ФСИН России, г. Самара

E-mail: sagryaznov@yandex.ru

Аннотация. *Данная статья является призывам к диалогу между городским планированием, архитектурой и неврологией, что может способствовать более детальному пониманию того, как городские и сельские условия жизни по-разному влияют на психическое здоровье городского населения.*

Abstract. *This article calls for a dialogue between urban planning, architecture, and neuroscience, which may contribute to a more detailed understanding of how urban and rural living conditions affect the mental health of urban populations in different ways.*

Ключевые слова: *городской стресс, психическое здоровье городского населения, хронический стресс, стрессовая ситуация, урбанизация, социальный стресс.*

Key words: *urban stress, mental health of the urban population, chronic stress, stressful situation, urbanization, social stress.*

На первый взгляд, существуют огромные методологические различия между дисциплинами городского планирования и нейробиологии. Тем не менее, рассмотрение нейробиологического подхода к теме городов имеет важное значение, поскольку из него мы можем начать понимать, как городская жизнь влияет на биологию мозга жителей и, следовательно, может влиять на риск развития психических расстройств. С другой стороны, есть индикаторы, которые показывают и на защитный аспект больших городов в отношении психического здоровья.

Быстрые темпы урбанизации – важный маркер социальных преобразований в целом, произошедших за последние 30 лет. Наш мир смещается в сторону городского и в то же время стареющего общества. В следующие 30 лет мы столкнемся с растущими проблемами, характерными для пожилых одиноких городских жителей.

Но городская жизнь – это не только старение, но и стресс. Стресс – это неспецифическая физиологическая и психологическая реакция на предполагаемые угрозы нашей физической, психологической или социальной целостности. Городская жизнь может быть опасной из-за нестабильных экономических условий – стресс усиливается из-за предчувствия неблагоприятных ситуаций и боязни нехватки ресурсов для реагирования на них.

С эволюционной точки зрения стресс – это механизм, который подготавливает нас к реакции «бей или беги», но также заставляет развиваться,

чтобы лучше адаптироваться к окружающей среде. Хотя стресс сам по себе не вреден, он может поставить под угрозу наше здоровье, когда носит хронический характер [1].

В человеческом организме есть две основные гормональные стрессовые системы: быстро реагирующая (в течение миллисекунд) вегетативная нервная система, которая контролирует выброс норадреналина и адреналина, и несколько более медленная система гипоталамус-гипофиз-надпочечник (HPA), которая отвечает за выброс кортизола – гормона стресса. Таким образом, быстрая система подготавливает нас к немедленной реакции, тогда как реакция медленной системы зависит от воспринимаемой опасности ситуации.

Повторяющееся воздействие социального стресса приводит к аномальной переработке так называемого «белка TAU» в гиппокампе, механизма, который играет важную роль в развитии болезни Альцгеймера. Стресс также приводит к укорачиванию «защитных колпачков» на обоих концах наших хромосом, называемых теломерами. В то же время стресс также ослабляет фермент, ответственный за восстановление этих защитных колпачков. Когда теломеры становятся слишком короткими, клетка больше не может делиться, и ткань теряет способность к регенерации. Результат – преждевременное старение организма.

Известно, что проживание в городской среде является фактором риска развития психических заболеваний, таких как депрессия или шизофрения. Это верно даже при том, что инфраструктура, социально-экономические условия, питание и медицинские услуги в городах явно лучше, чем в сельской местности. Более высокая подверженность стрессу и более высокая стрессовая уязвимость, по-видимому, играют решающую роль.

Социальный стресс может быть наиболее важным фактором повышенного риска психических расстройств в городских районах. Он может восприниматься как угроза социальной оценки или как хронический социальный стресс, оба из которых могут возникать как прямое следствие высокой плотности населения в городах. Что касается воздействия на психическое здоровье, социальный стресс перевешивает другие факторы городского стресса, такие как загрязнение или шум. Жизнь в местах большого скопления народа связана с повышенным социальным стрессом, поскольку окружающая среда становится менее управляемой для человека. Кроме того, нарушение хронобиологического ритма чаще встречается в городах, чем в сельской местности, и оказывает негативное влияние на психическое здоровье.

Недавний метаанализ показал, что у городских жителей на 20 % выше риск развития тревожных расстройств и на 40% выше риск развития аффективных расстройств. Для шизофрении было показано, что риск вдвое выше, с зависимостью «доза-реакция» для городского воздействия и риска заболевания. Продольные исследования пациентов с шизофренией показывают, что именно городская жизнь и воспитание сами по себе, а не другие эпидемиологические переменные увеличивают риск психических расстройств [2].

Дополнительный риск может быть связан с взрослением в городской местности, а не с первым проживанием там взрослым, поскольку стрессовая уязвимость мозга меняется с возрастом. У человеческого мозга есть

определенные периоды уязвимости. Нейробиологические эффекты городского стресса в раннем детстве отличаются от тех, которые связаны с переживанием городского стресса в более позднем возрасте. Таким образом, будущие исследования должны разделить влияние городской жизни на созревающий мозг и на мозг взрослого человека и сосредоточиться на том, проявляются ли и как стрессовые факторы в этих условиях в зависимости друг от друга и во взаимодействии друг с другом.

Городская среда имеет большие межличностные различия в уязвимости к стрессу. По этой причине более глубокое понимание факторов защиты городских жителей от стресса может помочь в планировании соответствующих стратегий общественного здравоохранения. Если мы предположим, что стресс, социального характера, является основной промежуточной переменной, увеличивающей риск психических расстройств, тогда необходимо сосредоточить внимание на выявлении и улучшении нашего понимания наиболее опасных для здоровья социальных факторов стресса и того, как эти факторы стресса способствуют расстройству мозга.

В этом может помочь изучение фундаментальных исследований стресса, которые показывают, что отсутствие контроля, социальная угроза и страх потерять социальный статус сильно способствуют переживанию стресса. Было показано, что эти факторы влияют на миндалину и префронтальную кору. С другой стороны, есть доказательства того, что белки, которые усиливают социальное поведение, так называемые просоциальные нейропептиды, такие как окситоцин, могут модулировать эти области мозга. Поэтому нам необходимо лучше понять, как социальные факторы стресса «проецируются» на городское население в условиях городской жизни и при каких условиях они перевозбуждают компенсационные и восстановительные возможности человека. Насколько, например, субъективное восприятие неопределенного иерархического порядка – известного социального стрессора – увеличивается с возрастанием плотности населения, социального неравенства или ухудшением жилищных условий.

С другой стороны, очевидно, что многие жители крупных мегаполисов преуспевают как с точки зрения здоровья, так и с точки зрения качества жизни, поскольку они извлекают выгоду из лучшей инфраструктуры и более плотной системы социальных, медицинских, культурных и образовательных возможностей. Это заставляет нас задаться вопросом, каковы биологические, психологические и социальные предпосылки здоровой городской жизни? Ответы на этот и другие подобные вопросы с помощью нейробиологических исследований переменных, способствующих стрессу и защищающих от стресса, будут иметь неоценимое значение для помощи политикам, городским планировщикам и органам здравоохранения в планировании здоровой городской среды.

Города – это сложные структуры, а человеческий мозг пока еще непостижимо сложный орган. Поэтому здесь невозможно сформулировать простые правила на уровне «если». Тем не менее, если окажется, что основные социальные факторы стресса, такие, как определенные аспекты плотности населения и опасные социальные градиенты, угрожают здоровью, мы должны

иметь возможность смягчить воздействие на городское население. Следует иметь в виду, что городские проблемы в мегаполисах стран со средним и низким уровнем доходов могут различаться, поскольку они несут более серьезные проблемы с точки зрения бедности, социальных градиентов, гигиенических стандартов и низкой безопасности [3].

Поскольку урбанизация нашего мира неизбежна, необходимо непрерывно улучшать понимание угрожающих, а также защищающих здоровье факторов городской жизни.

Список использованных источников:

1. Неаронов А., Майорова А., Вавулина Е. Влияние мегаполиса на жизнь его населения (2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32639534 (дата обращения: 28.02.2021)

2. Левикова А. Триггер или антидепрессант? Как городская среда влияет на психическое здоровье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.prostranstvo.media/tryhher-yly-antydepressant-kak-horodskaia-sreda-vlyiaet-na-psykhycheskoe-zdorove/ (дата обращения: 28.02.2021)

3. Вологодский научный центр Российской академии наук Социальный стресс. Стратегии преодоления (2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vscc.ac.ru/activity/view?id=5784 (дата обращения: 28.01.2021)

УДК 130.2

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE INTERPRETATION OF CULTURAL HERITAGE UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Пиляк Сергей Александрович,
Смоленский государственный
университет, г. Смоленск

E-mail: s.pilyak@mail.ru

Pilyak Sergey Aleksandrovich,
Smolensk State University, Smolensk

E-mail: s.pilyak@mail.ru

Аннотация. *На современном этапе развития цивилизации цифровые технологии все более активно влияют на различные сферы жизни человека. Восприятие мира, в том числе и культурного наследия, подвергается серьезной трансформации. При этом меняется не только индивидуальный результат интерпретации, создаваемый в сознании каждого человека, но и сам механизм восприятия. К примеру, цифровое повторение подлинного объекта наследия становится самостоятельным объектом интерпретации, что выступает причиной изменения механизма интерпретации культурного наследия. К проблемам современности относятся также и массовая рефлексия, и ретроспекция. Как рассмотрено автором, многократное отражение смыслов и текстов изменяет их подчас до неузнаваемости.*

Abstract. *At the present stage of the development of civilization, digital technologies are increasingly influencing various spheres of human life. The perception of the world, including cultural heritage, is undergoing a major transformation. This changes not only the individual result of interpretation created in the mind of each person, but also the mechanism of perception itself. For example, the digital repetition of an authentic heritage object becomes an independent object of interpretation, which causes a change in the mechanism of interpretation of cultural heritage. The problems of modernity also include mass reflection and retrospection. As discussed by the author, the repeated reflection of meanings and texts changes them sometimes beyond recognition.*

Ключевые слова: *культурное наследие, цифровые технологии, интерпретация культурного наследия, актуализация, трансформация.*

Key words: *cultural heritage, digital technologies, interpretation of cultural heritage, actualization, transformation.*

The actualization of cultural heritage as the realization of its potential, or the inclusion of cultural heritage objects in the socio-cultural context, is an important task of our time. One of the author's definitions of culture interprets it as "... directly unreflected interaction of a person with being as such: not only with the external environment, with the cosmic dimension, but also with the reflection of the cosmos within a person, i.e., secondary manifestations of this interaction" [11, p. 13]. The concept of interaction in this case can be deciphered, among other things, as the process of interpreting cultural values.

Questions of interpretation are traditionally one of the central issues in the system of philosophical knowledge. In some sources, it is even possible to find references to the fact that perception problems are considered key, since they play the role of a means of solving the entire range of philosophical problems. As the researchers note, "apparently, the statement that philosophical knowledge is fundamentally interpretative knowledge will not cause much controversy. Interpretation is an irreplaceable moment, a form and a way of functioning of philosophical knowledge" [17, p. 4].

The need to study perception has created the prerequisites for the formation of several independent areas of scientific knowledge. The relatively broad field of the philosophy of knowledge contains the theory of knowledge (epistemology) and epistemology (the doctrine of scientific knowledge) as its major subsections. It is worth noting that the process of splitting the sciences in this field is far from complete. The task of epistemological research is to separate informed knowledge from opinion. Critical evaluation is the main tool of such a department. The development of cognitive research is becoming a symbol of the modern era.

Currently, the vast majority of the information a person receives from other people or depersonalized sources, in a processed or adapted form, and does not synthesize personally. The volume of the received information excludes the possibility of its detailed analysis or rechecking. As a result, delusion for a modern person becomes not the exception, but the rule, and information gets the status of the main weapon. A fabricated image of reality, offering a ready-made interpretation of events, becomes a condition for the presence of a person in modernity. The world of fantasy is now more real than the physical embodiment of the environment, and the information vacuum becomes the most severe punishment for a person. Depersonalization of information is one of the significant problems of our time. Information that is not backed by a specific person responsible for its reliability, with a high degree of probability, can turn out to be a fake.

The task of epistemology is to describe and explain the real cognitive process and to determine the parameters of true knowledge. It should be noted that in this context, the theory of knowledge-epistemology in many respects borders on the psychology of perception, and under certain consideration-is identical with it. The use of similar logical structures, however, can lead to opposite conclusions. The availability of information, while expanding the capabilities of a person, also significantly increases the possible threats to his existence.

I. Merkulov, analyzing the concept of evolutionary information epistemology, reports the following: "human cognition means the search and acquisition of new knowledge, the creation of some new adaptively valuable cognitive (including

cultural) information that would increase the fitness of people and their chances of survival" [18, p. 11]. Cognition as a set of processes, procedures and methods of acquiring knowledge about the phenomena and laws of the objective world is characteristic of all people. Cognition is carried out in the sequential receipt, processing, and processing of information, including in the form of concepts, judgments, and conclusions. Taking into account this influence and human psychology, attempts to correct the understanding of the essence of things have been regularly made over the centuries. The management of interpretation, and, consequently, its preliminary in-depth study, has a very clear practical meaning and value. In this case, understanding can be concluded in understanding the objective meaning for a particular society. As a highly developed being, man is known to be "so confident in his possibilities of cognition that he can afford, using his imagination extensively, to go far away from reality and even deliberately "distort" it by applying various kinds of fictions, in order to eventually get a new reliable result" [19, p. 16]. Therefore, the management of knowledge is an actual direction of scientific activity.

The study of the perception of cultural values is particularly difficult. As some researchers note, "the humanitarian phenomenon exists only in the world of culture..." [17, p. 129]. At the same time, as you know, in a broad sense, the concept of culture unites everything created by man. In each cultural value, aesthetic, psychological and historical information is recorded in a symbolic form. The complex nature of cultural values is also formulated as follows: "the focus of cultural capital on human development and human capital binds together cultural, natural and human capital" [22, p. 649]. The French sociologist P. Bourdieu can be considered the founder of the concept of cultural capital [6]. The researcher considers the material and intangible cultural heritage, the aesthetic standards inherent in society, etc. to be cultural capital. Accordingly, the separation of the physical and spiritual incarnations of the heritage object, already mentioned by the author, becomes natural, requiring the introduction of the object into both spiritual and economic circulation, respectively.

The formation of mass production of consumer goods in the second half of the XX century led to the development of consumer culture and the formation of a consumer society. The change in the values of society over time has also adjusted the treatment of cultural heritage items. Goods and services become symbols of the era and independent cultural values, and their consumption becomes a means of self-identification and the construction of individuality [12, p.92]. The second half of the XX century, which became a period of development of the foundations of consumer society, was a time of serious transformation of the concepts of the universal value of genuine cultural heritage. "Consumer society is based on disposable goods: it is easier to buy a new thing than to repair an old one. This is projected on everything" [10, p. 69], unfortunately, and on heritage sites. In this case, the destruction of the original object is justified in accordance with the situation.

Currently, the influence of digital technologies is exposed to an increasingly significant number of areas of human life. The process of transformation of the mechanisms of interpretation of cultural heritage caused by digitalization is becoming more and more noticeable. Interpretation of cultural values and cultural heritage is one of the most common types of their development and creative understanding. In the field of cultural heritage preservation, interpretation is fundamentally different from

mastering and creating a direct link to the publication, which is practically impossible without interpretation.

It is particularly worth noting that measures for the preservation of cultural heritage in domestic practice in most cases are confined to the preservation of objects of material cultural heritage. Also, in modern museum legislation, despite the development and complexity of the methodology of museum activities, including in terms of intangible cultural heritage, digitalization and virtualization of museum content, only the material embodiment of objects is subject to protection and accounting. The actualization of regional cultural heritage in the modern methodology is often confined to the expansion of the participation of cultural heritage in the daily life of a person, including in the form of event events, branding, information openness, thematic flash mobs, Internet events, filling the information space and other events that cause extensive mentions of objects. To date, the concept of the cultural process has also been introduced into scientific circulation, interpreted as the essence of the procedure for discovering new facts related to the quality of the spiritual environment of humanity, to the long-term prospects for the survival of civilization as such [21, p. 103].

The formation of mass production of consumer goods in the second half of the XX century led to the development of consumer culture and the formation of a consumer society. The capitalist approach to the use of cultural heritage and the changing values of society have also adjusted the treatment of cultural heritage items over time. Goods and services become symbols of the capitalist era and independent cultural values, and their consumption becomes a means of self-identification and the construction of individuality. In the 70s of the XX century, the work of the French sociologist A.A. was published. In the article "Sociodynamics of Culture" [20], which shows that in the capitalist paradigm, mass communication media have become total in their impact on a person, that mosaic culture is the opposite of humanistic system culture. Mosaic culture is the perfect medium for manipulation. In the modern globalizing world, a huge concentration of mass media makes globalism a familiar technology of PR communication for promoting the mythology of globalism, mass culture and the formation of the" mass man " [29, p. 146]. Francis Bacon's maxim, "Knowledge in itself is power," contains an obvious self-explanation of the need for leadership in the intellectual sphere. Those who better understand the nature of the processes taking place in the modern world will eventually be able to better manage them or, at least, direct their development [13, p. 462].

The value of culture for society means, first of all, its relevance: "This is most clearly seen at least from the fact that in the socio-practical proposals of modern postmodernists, the emphasis is on the romantic elevation of the role of culture, which should replace society and give a set of disparate individuals a certain integrity. Which looks quite attractive, because the appeal to culture looks respectable, like going to the theater, for example, but it is strange, because in any society, culture always performs an integrating role, but at the same time, society does not disappear" [16, p. 283]. At the same time, the so-called "universal" value of culture does not mean proper efforts to preserve and develop it. It is worth noting that "New communicative images formed in a new socio-cultural field with the help of Internet technologies are able to influence the audience taking into account its socio-demographic and psychological

characteristics for the effective implementation of the processes of intercultural interaction" [26, p. 296]. The organizational value of culture has found a special application in the consumer society. It is the works of culture and art, repeatedly broadcast both through screens and advertising spaces, that tell a person about what he wants and should get, buy, rent, lease or mortgage.

One of the factors of standardization of knowledge and simplification of interpretation are the features of artificial intelligence. The digital system is built on structured homogeneous information formed from unambiguous opinions. The database is not able to fully convey such a complex array of data as human perception. In this context, it is possible to compare it with music played from vinyl and CD. At this stage of technology development, a significant amount of data that creates a "live" appearance cannot be digitized. Then the structure of perception changes. What cannot be transmitted with the help of digital resources is no longer perceived as an integral part of the heritage and is readily ignored by the coarsened human consciousness: "today we can say that the representation of knowledge in a computer in the form of systems of rules (which is characteristic, first of all, for production models) corresponds to a new approach in philosophical and epistemological research, which attaches special importance to the rules and regulations governing human activity" [1, p. 35-36].

It is possible to particularly consider culture as an industry that also experienced a major transformation during the twentieth century. "The processes of standardization of leisure, commercialization of cultural and leisure institutions, on the one hand; the development of mass communication and the strengthening of the influence of mass media, on the other, make leisure a form of consumption of institutionally produced products" [7, p. 135].

The development of tools for processing, transmitting and storing information has created a significant amount of digital surrogates that are secondary to the original. Interaction with the original objects of cultural heritage gets a specific character, caused by the lack of awareness of the value of the original artifact, blurring the line between the original and the replica. The digital copy, being only a repetition of the original, becomes an independent object of interpretation, which causes the transformation of the mechanism of interpretation of cultural heritage. This situation is compounded by the fact that " Since the tablet was invented in 2007, society has come a long way and has become totally visual. Visual ways of perceiving information have almost completely replaced verbal ones" [10, p. 66].

Taking into account the fight against the erosion of regional specifics, one of the most effective ways is to "preserve, correct and replicate "images" and material forms that are organic for the corresponding ethno-cultural entities " [31, p. 34]. At present, as various researchers note, ethnoculture, which is not supported by traditional methods of management, exists mainly in the information space, in the form of individual mentions, fixation in visual sources, etc. Accordingly, the storage and reproduction of ethnic culture is carried out by the methods of information and digital culture. In this context, digital culture should be considered as one of the most promising areas.

Digitalization, which changes the surrounding space, naturally leads to its specific philosophical understanding. Scientists note that due to the traditionally widespread semiotic tradition of perception and the popularity of the

phenomenological and hermeneutic positions in domestic realities, "immersion in the problems of media is carried out through the consideration of media as the language of a new reality" [24, p.15]. Digitalization instead of creation gives you a choice from among the ready-made options. "...modern culture creates a kind of labyrinth and leaves the subject at his own risk to find a way in it, to deal with his identity < ... > ... it is more natural for a person to abandon the spiritual efforts associated with the choice" [25, p. 122].

As modern researchers note, "the gushing information flow does not leave any space or time for turning it into knowledge and mastering it in this capacity" [23, p. 138]. The information consumption of a person is already able to limit itself to the perception not of meanings, but of the reflection of meanings that replaces reality [5, p. 16]. This situation also affects the education sector, including the use of cultural heritage objects for educational purposes: "...in a situation of growing free access to any information channels and forms of education, the academic community is deprived of its former right of exclusive control over the sources of knowledge and the paths leading to it" [15, p.34]. Speaking about the modern psychology of perception, N. Bavra states: "the focus of research is shifting from the study of the processes of obtaining information to the processes of its organization and use" [4, p. 37]. The development of information technology has led to the disruption of the established system. As R. Gilyarevsky notes in the context of the book business, generally accepted norms – "legal, economic, ergonomic, aesthetic" – have ceased to work in the network [8, p. 49]. The creation of new norms takes considerable time and is conducted with a considerable amount of complexity.

The scientific literature notes the existence of several stages of successive development of information carriers, or information channels – mediums, which are commonly called "information revolutions" [35]: the emergence of written speech, the creation of alphabetic writing, the emergence of printing, the invention of machine-readable (digital) text recording, the creation of a computer.

Modern researchers note "the growing interest in the concept of digital culture as a unique cultural and civilizational phenomenon" [3, p. 518] and pay special attention to the analysis of changes that have occurred in aesthetic perception in the conditions of a new stage of cultural development associated with the "reproduction" of the personal screen [30, p. 14]. As some conservative researchers note, modern culture claims the surrogate as its main tool. The more valuable the original becomes. However, the desire for universal digitalization leads to unexpected results. An object that is not present in the digital field is not recognized as existing in the physical space.

The researchers note that "the vast majority of social roles and professions that exist today can be digitized"… This means that the digitized society ceases to be social, it becomes a technical reality, a society without people. And the person shows the figure his asocial anthropological essence. The only thing that smart machines can't do is set goals. Because the one who dreams sets goals. And smart machines don't know how to do that. They do not know what it means to decide on anything" [9, p. 67].

E. Shapinskaya formulates a number of problems of cultural heritage related to the digitalization of society, including the reduction of the perceived value of cultural heritage due to the simplification of access to digital copies. To a large extent, this

process is also reflected in the blurring of the boundaries of interpretation: "... postmodernism, which had such a strong impact on the cultural situation of the late XX – early XXI century, involves blurring the lines between high and mass culture, which puts an unprepared person at a dead end in questions of the value and significance of numerous cultural and artistic texts replicated in various forms in the mass media and the Internet" [33, p. 268]. The principle of digitalization of cultural heritage is manifested in both interpretation and retransmission.

The array of secondary knowledge obtained in the course of reinterpretation can be designated as an opinion or quasi-knowledge, i.e., not being knowledge, but claiming its status. "...for the development of artificial intelligence, it is important to create formal quasi-categories that would be approximate analogues of real categories that function in the human thought process" [32, p. 160]. As V.M. Rozin notes, "the computer and the Internet often block access to other forms of life activity, often immerse a person in an illusory reality, transform his consciousness" [27, p. 4]. That is why the concepts of surrogate, digital analog, and image are repeatedly mentioned in the study of digital culture.

Mass reflection and retrospection becomes a problem of modernity, and the repeated reflection of meanings and texts changes them beyond recognition. In this context, close attention to the cultural heritage, the desire to join the worldview of people of other formations is also necessary in terms of forming an unchanging base on the basis of which spiritual and intellectual growth is possible [24]. In addition, "... the struggle for openness in the digital space goes along with the struggle for the "right to be unnoticed" and hidden battles for power and the ability to interpret the presentation of events and facts" [28, p. 14]. Moreover, at the present time "there is a dangerous tendency ... to fix the attention of readers on memorizing, rather than comprehending the text" [8, p. 53].

Accordingly, we see that digital technologies, the development of which has engulfed the world, are both a problem and an effective tool for cultural heritage. It should be noted that capitalist approaches, manifested in the dissemination of the principles of the consumer society, have seriously distorted the understanding of the value of genuine cultural heritage. At the same time, multiple broadcasts of heritage sites allow us to expand the activities aimed at its popularization, which allows us to create the necessary conditions for its preservation in the future.

List of references:

1. Alekseeva I.Yu. Human knowledge and its computer image. – M., 1993. – 218 p.

2. Akhromeeva T.S., Malinetsky G.G., Posashkov S.A. Interaction of art and science in the context of synergetics. – 2019. – Vol. 16, no. 2. – pp. 116-127.

3. Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V. Culture in digital civilization: a new stage of understanding the strategy of the future for sustainable development // Observatory of Culture. – 2018. – Vol. 15, no. 5. – pp. 516-531.

4. Bavra N.V. The search for a new paradigm in the psychology of perception // Philosophy on the subject and subject of scientific knowledge / Edited by E.F. Karavaev, D.N. Razeev. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2002. – pp. 37-46.

5. Baudrillard J. Consumer Society: Its myths and structures. – M.: "Ad Marginem", 2000. – 512 p.

6. Bundin Yu.I. Civilization of leisure: history and modernity // The world of civilizations and "modern barbarism": the role of Russia in overcoming global nihilism: A collective monograph based on the materials of the XVI International Pan-Russian Readings / Ed. V.N. Rastorguev; scientific ed. A.V. Nikandrov / Russian Scientific Journal. Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev (Institute of Heritage); Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Philos. f-t. – M.: Institute of Heritage, 2019. – pp. 126-136.

7. Bourdieu P. Prakticheskiy smysl / Trans. with French and general ed. by N. A. Shmatko. – St. Petersburg: Aleteia, 2001. – 562 p.

8. Gilyarevsky, R. S. What do we expect from books and book studies in the coming years? // Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. Book and book business in the XIX-XX century. The Smirdinsky readings. – 2018. – Volume 217. – pp. 48-54.

9. Girenok F.I. Global nihilism from the point of view of the Archeoavangard // The World of Civilizations and "Modern Barbarism": the Role of Russia in Overcoming Global Nihilism: A Collective monograph based on the materials of the XVI International Pan-Russian Readings / Ed. by V.N. Rastorguev; scientific ed. by A.V. Nikandrov / Russian Science. Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev Institute of Heritage (Institute of Heritage); Lomonosov Moscow State University, Philos. f-T. – M.: Institute of Heritage, 2019. – pp. 63-67.

10. Gubareva O.V. Orthodox icon in the modern world // Russian civilization in global conflicts: historical lessons and spiritual meanings: a collection of materials of scientific conferences organized by the Institute of Heritage and RIII under the auspices of the St. Petersburg International Cultural Forum in 2018-2019. – Moscow: Institute of Heritage, 2020. – pp. 56-73.

11. Jamal G.D. The opposition of philosophy and culture as the reflection of the fundamental polarization of the spirit // Philosophy – philosophy of culture – cultural studies: new perspectives watersheds and interaction: proceedings of the international scientific conf. 7-9 APR. 2011, White Columns / ROS. Institute of cultural studies; ed. edited by: N.A. Kochelyaeva, K.E. Razlogov. – M.: Convergence, 2021. – S. 12-16.

12. Erasova V.V. Modernization of the Museum of communication in a society of consumption // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2019. – No. 2 (39). – pp. 92-96.

13. Inyushin V.V. The crisis of humanitarian knowledge and the real picture of the world. Place of Russia // The World of Civilizations and "Modern Barbarism": the Role of Russia in Overcoming Global Nihilism: A Collective monograph based on the materials of the XVI International Pan-Russian Readings / Ed. by V.N. Rastorguev; scientific ed. by A.V. Nikandrov / Russian Science. Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev Institute of Heritage (Institute of Heritage); Lomonosov Moscow State University, Philos. f-T. – M.: Institute of Heritage, 2019. – pp. 459-467.

14. Kirillova N.B. "Virtual reality" and "virtualization of culture" as concepts of modern cultural studies // Observatory of Culture. – 2017. – Vol. 14, No. 5. – pp. 524-531.

15. Kirillov A.A. Russian universities in the international competitive environment: organizational and legal bases of development. – 2019. – No. 8 (186). – pp. 31-36.

16. Kozyrkov V.P. Metamorphoses of savagery in the Soviet and post-Soviet society in the context of civilizational processes // Mir tsivilizatsiy i "sovremennoe barbarstvo": the role of Russia in overcoming global nihilism: A collective monograph based on the materials of the XVI International Pan-Russian Readings / Ed. Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev Institute of Heritage (Institute of Heritage); Lomonosov Moscow State University, Philos. f-T. – M.: Institute of Heritage, 2019. – pp. 279-295.

17. Kuznetsov V.G. Hermeneutics and humanitarian cognition. – M.: MSU Publishing House, 1991. – 192 p.

18. Merkulov I.P. Cognitive abilities. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2005. – 182 p.

19. Mikeshina L.A. Philosophy of knowledge. Polemic chapters. – M.: Progress-Tradition, 2002. – 624 p.

20. Mol A. Sociodynamics of culture. – M., 1973. – pp. 230-260.

21. Muza D.E. Global barbarity as a catalyst for the growth of post-civilizational ontology (towards the logic of total "challenge" and civilizational "responses") // Mir tsivilizatsiy i "sovremennoe barbarity": the role of Russia in overcoming global nihilism: a collective monograph based on the materials of the XVI International Pan-Arin Readings / Ed. Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev Institute of Heritage (Institute of Heritage); Lomonosov Moscow State University, Philos. f-T. – M.: Institute of Heritage, 2019. – pp. 92-106.

22. Nikonorova E.V. Kultura i ustoychivoe razvitie: osnovaniya vzaimovliya i kontury integratsii [Culture and sustainable development: the foundations of mutual influence and the contours of integration]. – 2016. – Vol. 13, No. 6. – pp. 644-651.

23. Oganov A.A., Hangeldieva I.G. Overcoming cultural and educational conservatism – the way to new models of education // Observatory of Culture. – 2019. – Vol. 16, no. 2. – pp. 128-141.

24. Ocheretyany K.A., Lenkevich A.S. Mediafilosophy: between reception and interpretation // Observatory of Culture. – 2017. – Vol. 14, no. 1. – pp. 12-18.

25. Porus, Vladimir N. To the Question about the value of cultural identity // Philosophy – philosophy of culture – cultural studies: new perspectives watersheds and interaction: proceedings of the international scientific conf. 7-9 APR. 2011, White Columns / ROS. Institute of cultural studies; ed. edited by N.A. Kochelyaeva, K.E. Razlogov. – M.: Convergence, 2021. C. estimated in 119-124.

26. Prokudin D.E., Tolstikova I. Interaction of cultures in the virtual space // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology. – 2018. – Vol. 34. – Issue 2. – pp. 288-298.

27. Rozin V.M. Internet-new information technology, semiosis, virtual environment // The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge. – M., 2004. – p. 3-23.

28. Rusakov A.Yu. Echo-cameras in modern mass culture // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2019. – No. 2 (39). – pp. 11-15.

29. Savka A.V. Modernity and the crisis of civilization // The World of Civilizations and "Modern Barbarism": the Role of Russia in Overcoming Global Nihilism: A Collective monograph based on the materials of the XVI International Pan -Russian Readings / Ed. by V.N. Rastorguev; scientific ed. by A.V. Nikandrov / Russian Science. Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev Institute of Heritage (Institute of Heritage); Lomonosov Moscow State University, Philos. f-T. – M.: Institute of Heritage, 2019. – pp. 137-164.

30. Stroeva O.V. The epoch of "reproduction" of the personal screen: changing the perception of space and time. – 2017. – Vol. 14, no. 4. – pp. 396-403.

31. Ulinova I.Kh. The significance of cultural industries in preserving the ethnic identity of the Kalmyks // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury. – 2019. – No. 2 (39). – pp. 34-39.

32. Shalyutin, S. M. Artificial intelligence: An epistemological aspect. - Moscow: Mysl, 1985. - 199 p.

33. Shapinskaya E.N. Esthetic values of the classical heritage in the space of mass culture: challenges of time and possible answers // Russia as a state-civilization: higher goals and alternatives of development: A collective monograph based on the materials of the Jubilee International Panarin Readings dedicated to the 75th anniversary of the birth of A.S. Panarin / Ed.: V.N. Rastorguev; scientific ed.: A.V. Nikandrov / Research in-t cultural and nature. D.S. Likhachev Institute of Heritage (Institute of Heritage), 2016. – pp. 268-278.

34. Schreider Yu.A. Computer as a means of knowledge representation // Nature. – 1986. – No. 10. – pp. 14-22.

35. Elyashevich D.A. Knigovedenie: zhizn posle demerti [Book Studies: Life after death]. Book and book business in the XIX-XX century. The Smirdinsky readings. – 2018. – Vol. 217. – pp. 55-81.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Международный научный журнал

Выпуск № 3 / 2021

Подписано в печать 15.03.2021

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор: Морозова И.С.
Редактор: Гараничева О.Е.
Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке
ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов,
аспирантов, докторантов, а также других лиц,
занимающихся научными исследованиями,
опубликовать рукописи в электронном журнале
«Психология человека и общества».

Контакты:

E-mail: donagra@yandex.ua
Сайт: http://donagra.ru

